

Теодор Драйзер
—
**Американская
трагедия**
Том 2

Москва
2022

Теодор Драйзер
—
**Американская
трагедия**
Том 2

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д72

Theodore Dreiser
AN AMERICAN TRAGEDY

Перевод с английского З. Вершининой и Н. Галь

Художественное оформление переплета С. Костецкого

Драйзер, Теодор.

Д72 Американская трагедия. Том 2 / Теодор Драйзер ; [перевод с английского З. Вершининой и Н. Галь]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-160056-3

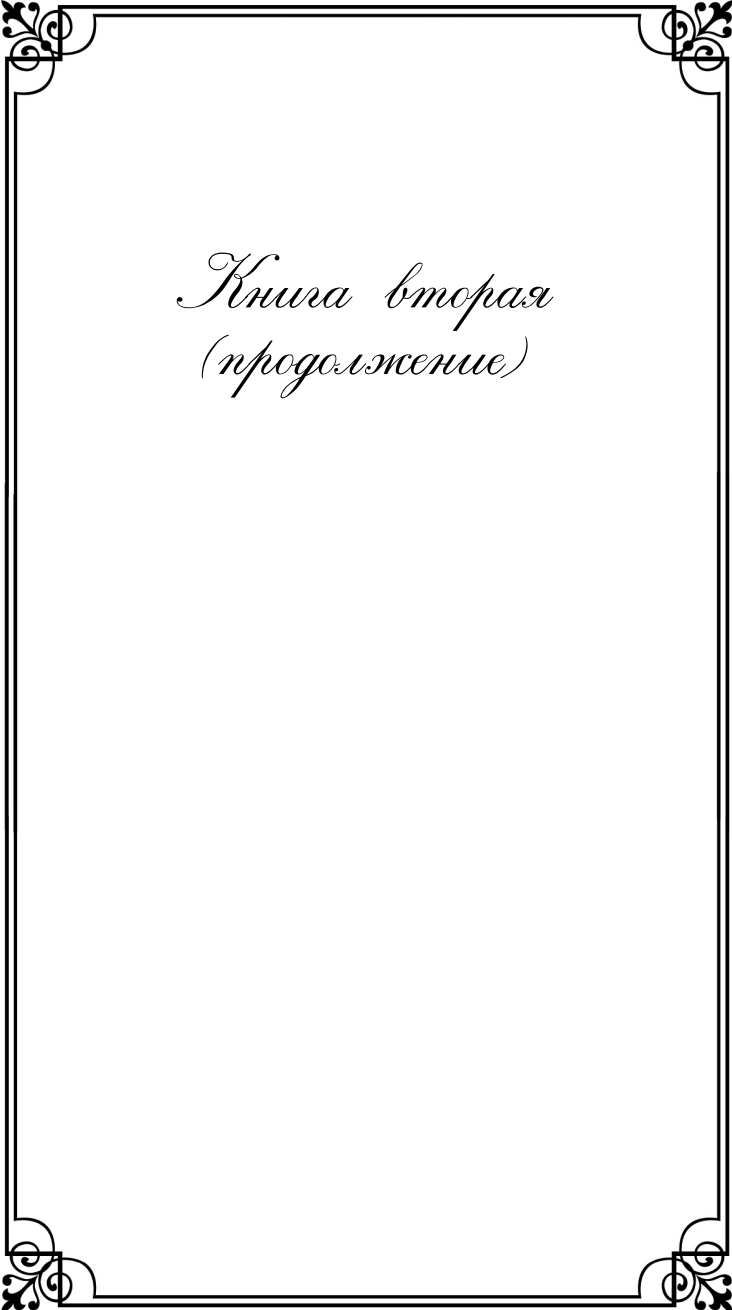
Как же привлекателен мир богатства, роскоши и развлечений! Но Клайд Гриффитс имел несчастье родиться в семье бедных уличных проповедников. С юных лет он мечтает быть среди счастливых преуспевающих людей и иметь их возможности. Клайд рано понял: ничто ему не поможет, если только он сам не сумеет помочь себе. Стремясь занять видное положение в обществе, он заводит роман с 17-летней Сондрой Финчли, богатой наследницей фабриканта. Однако его тяготит любовная связь с простой фабричной работницей Робертой Олден. Девушка беременна и мешает достичь заветной цели: сделать карьеру и обрести красивую жизнь. В отчаянной погоне за успехом Клайд оказывается готов пойти на преступление...

«Американская трагедия» — вершина творчества Теодора Драйзера. Непревзойденное изображение суровой реальности и темной стороны американской мечты, исключительное по силе и размаху, не оставляет равнодушным уже несколько поколений читателей.

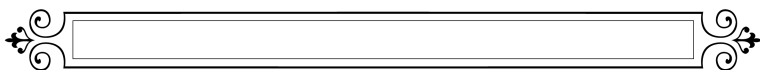
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-160056-3

© Галь Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Книга вторая
(продолжение)

ГЛАВА XXXIX

Когда стремления двух людей столь противоположны и когда к тому же оба не способны выпутаться из создавшегося затруднительного положения, это может привести лишь к еще большим трудностям и даже к катастрофе, если только не придет на помощь какой-то счастливый случай. Но случай не приходил. А присутствие Роберты на фабрике не позволяло Клайду забывать о грозящей беде. Если б только убедить ее уехать куда-нибудь, найти работу где-нибудь в другом месте, чтобы она не была все время у него перед глазами! Тогда он мог бы все обдумать более спокойно... Но сейчас, когда она всем своим видом непрерывно спрашивала, что он намерен предпринять, он совсем не мог думать. А его теперешнее равнодушие к ней заставляло его забывать о том, что он обязан считаться с ее интересами. Он был слишком влюблен в Сондру и потому совсем сбит с толку.

Как ни сложна была стоявшая перед Клайдом задача, он все-таки продолжал мечтать о Сондре, и тяжелые затруднения, связанные с Робертой, казались ему подчас всего лишь тенью, облаком, омрачавшим эту мечту. И вот по вечерам, так часто, как только позволяли еще не порванные отношения с Робертой, он стремился насладиться всем тем, что могли дать ему светские знакомства. К его величайшей гордости и удовлетворению, его приглашали то на обед к Гарриэтам или Тэйлорам, то на вечеринку к Финчли или Крэнстонам, — и он либо должен был сопровождать Сондру, либо шел в радостной надежде с нею встретиться. А она

теперь уже не прибегала к хитростям и притворству, которыми раньше прикрывала свой интерес к Клайду, и зачастую открыто искала встречи с ним в обществе. Но так как эти встречи происходили на обычных для ее круга сборищах молодежи, то старшие, разумеется, не придавали им особого значения.

Миссис Финчли, крайне щепетильная и осторожная в выборе знакомств, сперва была не слишком довольна тем вниманием, которое проявляли к Клайду ее дочь с подружками. Однако его все охотнее принимали не только у нее в доме, но и в компании, к которой принадлежала Сондра, да и в других домах, чуть ли не повсюду, — и она стала думать, что Клайд, вероятно, занимает более солидное положение в свете, чем ей говорили раньше. Она попробовала расспросить о нем сына и даже Сондру. Но Сондра лишь сказала уклончиво, что раз он двоюродный брат Гила и Беллы Грифитс и его всюду охотно приглашают, потому что он очень милый, — даже если у него и нет денег, — так почему бы ей и Стюарту не принимать его? Миссис Финчли решила пока удовлетвориться этим и только посоветовала дочери ни в коем случае не заводить с Клайдом слишком большой дружбы. Сондра понимала, что мать отчасти права, но ее слишком тянуло к Клайду, и потому она решила обманывать мать, — во всяком случае, тайком она будет вести себя с Клайдом так свободно, как ей вздумается. Так оно и шло, и всякий, кто был свидетелем их встреч, мог бы сказать, что близость Сондры и Клайда становится все более тесной и, зная об этом Финчли-родители, они бы, конечно, очень встревожились. Не говоря уже о том, как мечтал о ней Клайд, и сама Сондра была теперь во власти таких мыслей и настроений, которые граничили с самыми губительными проявлениями таинственной алхимии любви. В самом деле, кроме рукопожатий, поцелуев и обмена восхищенными взглядами в минуты, когда предполагалось, что никто этого не видит, тут были и туманные, но возникавшие снова и снова мечтания о будущем, которое каким-то образом, еще не ясным ни Клайду, ни Сондре, должно было их соединить.

Вот настанут летние дни — до этого уже недалеко, — и они вдвоем поплывут на байдарке по Двенадцатому озеру...

длинные тени прибрежных деревьев протянулись по серебристой воде, ветерок рябит водную гладь, Клайд лениво гребет, а она полулежит на корме и мучает его намеками на будущее... Поросшая мягкой травой, пестрая от солнечных пятен лесная тропинка, уходящая на юго-запад от дач Крэнстонов и Фэнтов, неподалеку от владений Финчли, — по ней в июне и в июле они станут ездить верхом к живописному мысу Вдохновения (около семи миль к западу)... Благотворительный базар в Шейроне, где она в цыганском костюме — воплощенная романтика — будет хозяйничать в каком-нибудь киоске, либо в щегольской амазонке показывать свое искусство наездницы... Пикники, танцы днем и при лунном свете, когда, томно покаясь в его объятиях, она будет смотреть ему в глаза...

Никаких материальных забот. Никаких мыслей о возможном сопротивлении со стороны ее родителей. Одна только любовь, лето и идиллическое, полное счастья приближение к той минуте, когда в конце концов, наперекор всем препятствиям, прочные узы соединят их навеки.

А тем временем прошло еще два долгих тоскливых и страшных месяца, и Роберта все не решалась на тот шаг, который должен был погубить Клайда. Хотя она и была убеждена, что Клайд только обдумывает, как бы ускользнуть от ответственности, и вовсе не собирается на ней жениться, — однако и она, как он, плыла по течению, боясь действовать решительно. Ибо после того разговора, когда она сказала ему о необходимости обвенчаться, Клайд уже несколько раз неявно, намеками угрожал, что не женится на ней, даже если она обратится к его дяде, — просто возьмет и уедет отсюда.

Клайд изображал дело так, что, если ему помешают сохранить его нынешнее положение в Ликурге, он будет не в состоянии жениться, — более того, он, вероятно, ничем не сможет помочь Роберте как раз тогда, когда она будет чрезвычайно нуждаться в помощи. Этот намек навел Роберту на размышления об известной жестокости в характере Клайда, которая до сих пор в полной мере еще не обнаруживалась; впрочем, если бы Роберта как следует поразмыслила, она бы заметила эту его черту уже давно, когда Клайд впервые настаивал, чтобы она впустила его в свою комнату.

Видя, что Роберта ничего не предпринимает, и все же побаиваясь, как бы она не отважилась его разоблачить, Клайд несколько изменил свое поведение: вместо полнейшего равнодушия, с каким он держался до тех пор, пока она не стала ему угрожать, он проявлял теперь притворное внимание, доброжелательство и дружелюбие. Положение, в котором оказался Клайд, было достаточно опасным и пугающим, чтобы развить в нем изворотливость, прежде ему не свойственную. Кроме того, Клайд весьма наивно надеялся, что, пожалуй, ему удастся смягчить, обезоружить Роберту: нужно вести себя так, словно он по-прежнему живо озабочен ее положением и, на худой конец, если не найдется другого выхода, даже готов на ней жениться (в действительности никто никогда не убедил бы его взять на себя такое обязательство). Тогда она не станет заставлять его немедленно что-то предпринимать — и он, выиграв время, постарается всеми правдами и неправдами увильнуть от брака и при этом не бежать из Ликурга.

Роберта понимала, чем вызвана эта внезапная перемена, но она была так безнадежно одинока и растеряна, что охотно прислушивалась к его притворно сочувственным, лишенным подлинной сердечности рассуждениям и советам. И Клайд уговорил ее подождать еще немного. Тогда он не только успеет накопить денег, но и постарается так устроить свои дела на фабрике, что можно будет уехать хоть на время из Ликурга и где-нибудь обвенчаться. Потом он устроит Роберту с ребенком в другом городе, где она в качестве замужней женщины сможет жить спокойно, а сам (хотя в то время он этого ей и не сказал) вернется в Ликург и будет посылать ей деньги — сколько сможет. Но все это, разумеется, при одном условии: пока он не позволит, она никому не должна говорить, что он ее муж и отец ее ребенка. Подразумевалось также (Роберта снова и снова твердила об этом — лишь бы он женился на ней), что она постарается получить развод, сославшись хотя бы на то, что муж оставил ее, и сделает это побыстрее и где-нибудь подальше от Ликурга, чтобы здесь никто ничего не узнал. Впрочем, Клайд вовсе не был уверен, что она это сделает, если уж он на ней женится.

Разумеется, Клайд не был искренен, когда обещал все это, а потому его мало заботило, искренне ли говорит Ро-

берта. Он вовсе не собирался добровольно уезжать из Ликурга, даже на то короткое время, которое требовалось, чтобы выручить ее из беды. Ведь это значило бы расстаться с Сондрой, а такая разлука сильно повредила бы его планам. И вот он по-прежнему бездействовал и порою праздно фантазировал о какой-нибудь мнимой, поддельной свадьбе, вроде той, которую он видел когда-то в кино, в каком-то мелодраматическом фильме: с фальшивым священником и лжесвидетелями, сговорившимися обмануть какую-то дурочку из захолустья; но Роберта совсем не дурочка, да и требовалось для этого слишком много времени, денег, смелости и ловкости, и Клайд после недолгого размышления сообразил, что ему такое не под силу.

Он понимал, что идет прямо навстречу близкой неминуемой катастрофе, от которой его могла спасти лишь какая-нибудь совершенно непредвиденная случайность. А порою он даже мечтал, что в роковой час, когда Роберту уже нельзя будет обмануть никакими уловками и она захочет обличить его, он просто будет все отрицать: заявит, что ни в какой связи с нею не состоял и знает ее только как работницу своего отделения, не больше. Его просто шантажируют!

В начале мая Роберта, чувствуя себя плохо и опасаясь, как бы ее состояние не заметили окружающие, стала настойчиво внушать Клайду, что при самых героических усилиях она сможет оставаться на фабрике не дольше первого июня: ведь к тому времени девушки, наверно, станут уже замечать, что она в положении, и этого ей не вынести. Но тут как раз Сондра сообщила ему, что не позднее пятого июня она, ее мать и Стюарт с несколькими слугами переезжают на новую дачу на Двенадцатом озере, чтобы устроиться как следует, прежде чем начнется настоящий сезон. И затем, не позже восемнадцатого, когда туда же переедут Крэнстоны, Гарриэты и еще кое-кто (возможно, приедут погостить Белла и Майра), Клайд может ждать приглашения на субботу и воскресенье от Крэнстонов, — она устроит это через Бертину. Потом (все обстоятельства этому благоприятствуют) последуют, конечно, и приглашения от Гарриэтов, Фэнтов и от некоторых других обитателей Двенадцатого озера, а пожалуй, и от Грифитсов на Лесное, — туда он свободно может поехать

благодаря Белле. А во время своего двухнедельного отпуска, в июле, он мог бы поселиться в «Казино» на Сосновом мысе; возможно, Крэнстоны или Гарриэты даже пригласят его к себе по ее совету. Во всяком случае, Клайд понял, что при вполне посильных расходах (для этого надо лишь немножко урезать себя сейчас) он сможет изведать дачную жизнь на озерах, о которой он столько читал в местных газетах, а главное — часто видеться с Сондрой то на одной, то на другой даче, где хозяева не так неприязненно относятся к нему, как родители Сондры.

Теперь Сондра впервые объяснила ему, что ее мать и отец недовольны постоянным явным ухаживанием Клайда и стали уже поговаривать о продолжительном путешествии по Европе: возможно, Сондра и Стюарт вместе с матерью пробудут за границей не меньше двух лет. Но, видя, как от этой новости омрачилось лицо и упало настроение Клайда, Сондра, сама очень огорченная, сейчас же прибавила, что не надо принимать это слишком близко к сердцу, не надо! Все уладится, она уверена. До тех пор что-нибудь, — если не само по себе страстное увлечение Клайдом, так какая-нибудь хитрая затея, — поможет Сондре повлиять на мать и заставить ее изменить отношение к Клайду... а если нет, в свое время ей придется принять нужные меры, чтобы перехитрить мать. Какие именно меры, Сондра пока не хотела сказать, хотя в пылком воображении Клайда уже рисовалось бегство с нею и тайный брак, который ее родители потом не смогут расторгнуть, что бы они о нем ни думали. И действительно, мысль об этом, пока еще смутная и несмелая, возникала и в уме Сондры. Дело в том, объяснила она Клайду, что мать явно хочет выдать ее замуж за одного светского молодого человека, который ухаживал за нею и в прошлом году. Но теперь, когда Сондра полюбила Клайда, не так-то легко будет ее уговорить!

— Вся беда в том, что я несовершеннолетняя, — бойко, бесцеремонно объясняла она. — Поэтому я у них в руках. Но в октябре мне исполнится восемнадцать, и тогда — так и знайте! — ничего они со мной не поделают. Надо полагать, я могу выйти замуж за кого пожелаю. А если не могу здесь, в Ликурге, — ну что ж, найдется другой выход, не только свету, что в окошке.

Мысль эта была сладким, разлагающим ядом для Клайда. Она бросала его в жар и сводила с ума. Если бы... если бы только не Роберта! Страшная, почти неразрешимая задача. Если бы не это и не сопротивление родителей Сондры, которое она надеялась преодолеть, — разве не райское блаженство ожидает его? Сондра, Двенадцатое озеро, светское общество, богатство, любовь, красота. У него кружилась голова, когда он об этом думал. Если они с Сондрой поженятся, что останется делать ее родным? Только покориться и принять их в великолепное лоно своего роскошного дома в Ликурге или обеспечить их каким-нибудь другим способом. Он, без сомнения, в конце концов получит какое-нибудь место в «Компании электрических пылесосов» Финчли. И тогда он будет равен самому Гилберту Грифитсу и всем тем, кто вначале пренебрегал им в Ликурге (а то и выше!): вместе со Стюартом он будет наследником всего богатства Финчли! И в центре всего и превыше всего — Сондра, драгоценнейший камень в этом великолепии, внезапном и сказочном, словно из «Тысячи и одной ночи».

И никаких мыслей о том, как поступать пока, до октября. Никаких серьезных планов относительно Роберты, которая вот теперь, сейчас, требует, чтобы он на ней женился. Надо как-нибудь от нее отделаться, думал Клайд. И в то же время он болезненно и тревожно ощущал, что никогда еще за всю свою жизнь не был так близок к страшному несчастью. Быть может, его долг (так считает общество, так сказала бы его мать) по меньшей мере — помочь Роберте выпутаться из беды. Но разве кто-нибудь пришел на помощь Эсте? Ее возлюбленный? Он со спокойной совестью бросил ее, и она от этого не умерла. А Роберте приходится ничуть не хуже, чем пришлось тогда его сестре. Почему же она хочет его погубить? Почему заставляет его отказаться от карьеры и положения в обществе, от стремления к красоте, к любви и страсти? Для него это почти самоубийство! А ведь если бы она сейчас избавила его от всего этого, впоследствии он мог бы сделать для нее гораздо больше... конечно, с помощью денег Сондры. Нет, он не допустит, чтобы она так с ним поступила, не даст загубить ему жизнь!

ГЛАВА XL

Два незначительных случая, которые произошли в это время, привели к тому, что намерения Роберты и Клайда стали еще непримиримее.

Как-то вечером Роберта случайно увидела Клайда на Сентрал-авеню: он стоял на краю тротуара перед зданием почты и разговаривал с Арабеллой Старк, которая ожидала своего отца, сидя в большом, внушительном автомобиле. Мисс Старк, одетая по последней моде в соответствии с требованиями сезона, вкусами своего круга и собственным претенциозным вкусом, сидела за рулем в жеманной позе, рассчитанной не только на Клайда, но и вообще на публику. Роберте, которая к этому времени была доведена до отчаяния медлительностью Клайда и не знала, как заставить его помочь ей, эта девушка показалась воплощением беззаботности, роскоши и бездумного отношения к жизни — всего, что так прельщало Клайда и заставляло медлить и относиться с полнейшим равнодушием к ее ужасному положению. И в самом деле, у нее есть права, обусловленные ее теперешним состоянием, но что может она дать Клайду взамен той жизни, от которой он должен будет отказаться, уступив ее требованию? Ничего... Мысль не слишком ободряющая.

И вот в эту минуту, когда она сравнила свой жалкий, презренный удел с уделом хотя бы этой мисс Старк, ею овладели такая горечь и враждебность, каких она никогда еще не испытывала. Это неправильно! Несправедливо! Уже несколько недель прошло с тех пор, как они в последний раз обсуждали свои дела, и за это время Клайд почти не заговаривал с нею на фабрике и тем более избегал приходить к ней домой, опасаясь обычных ее вопросов, на которые ему нечего было отвечать. И она чувствовала — он относится к ней теперь не только невнимательно, но и с настоящим озлоблением.

А все же, когда она шла домой после этой ничтожной, но очень выразительной сценки, ее сердце полно было не столько гневом, сколько печалью и болью, потому что любовь и спокойствие исчезли и, видно, никогда уже не воз-